

ПРОБЛЕМА БЕССМЕРТИЯ В МИФОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

Аннотация

В статье бессмертие рассматривается как эволюционная возможность человечества. Мифологические представления о бессмертии показывают, что суть его – не в сохранении себя, но в постоянном обновлении, что делает ключевым образ перерождения и вечного материнства. Однако со временем возрастает и стремление сохранить человеческую индивидуальность (увечивание имени в древнем Египте), и в статье приведены более близкие к нашему времени философские идеи, которые доказывают онтологическую возможность и необходимость этого.

Ключевые слова: бессмертие, мифология, философская антропология, танатология, возрождение, воскресение, перевоплощение, душа, индивидуальность, телесность, вечность, материнство.

Даниилу Козыреву посвящается

Если даже до конца придерживаться атеистической позиции, следует признать, что бессмертие – мечта человека, которая им движет с древнемифологических времен до наших дней, а значит, его эволюционная мечта. То есть, даже если оно недостижимо сегодня, человечество к этому стремится. И поскольку человек является не только природным созданием, но и творцом своей реальности, то человечество всё более полно реализует это стремление: сперва в мысли, но и мысль – это уже шаг к практике.

Образ бессмертия души – один из основополагающих мифологических архетипов¹. В древней мифологии мы видим постановку

проблемы бессмертия и удивление перед тем, что его невозможно достичь: мифы часто объясняют это ошибкой или неправильным поведением героя-первопредка.

В древнейшей цивилизации Вавилона и в первом записанном эпосе о герое Гильгамеше мы уже находим миф о бессмертии. Если бы первочеловек *Адапа*, взойдя на небо, взял предложенные ему там хлеб и воду жизни, то вслед за ним стал бы бессмертным человеческий род. Но он отказался от них по совету коварного бога Энки: создателя людей, определившего их смертную судьбу.

А новозеландский первопредок *Мауи*, чтобы обеспечить бессмертие людям, должен был войти внутрь повелительницы смерти и выйти у неё изо рта – умереть и возродиться, пока она спит. Он строго-настрога запретил всем птицам пить и смеяться, пока он будет это делать, чтобы не разбудить владычицу Ночи. Но маленькая птичка тивакавака не смогла удержаться и громко расхохоталась, увидев его влезавшим в старую повелитель-

¹ Щепановская Е.М. Генезис и классификация мифологических архетипов. Дисс. ... канд. филос. наук. СПб., 2011 СС. 181-191; в более популярном виде: Семира и В.Веташ. Астрология и мифология. СПб., 1998 СС.645-692

ницу. Та проснулась, крепко схватила Мауи и не выпустила его больше. Так смерть вошла в мир, и вслед за Мауи стали умирать другие люди.

Поскольку смерть предстает непререкаемым фактом жизни, идея бессмертия обычно связывается с образом преодоления смерти: *возрождения* и *перевоплощения*. Символом этого процесса для древних была **Луна**, которая, бледнея, тая и исчезая с неба – умирая – вновь появляется на нём в обновленном виде молодого месяца. На всех концах земного шара мифы о бессмертии связаны с Луной: лунный символизм объединил в сознании людей такие жизненные факты, как рождение, изменчивость, смерть и новое рождение, позволив наглядно осознать фазы существования. Согласно М. Элиаде, «можно говорить даже о «метафизике Луны» как о стройной системе «истин»: о становлении, росте, «уменьшении», «смерти» и «воскресении»... Луна открывает религиозному человеку не только то, что Смерть неотделима от Жизни, но также и в первую очередь то, что Смерть не окончательна, за ней всегда следует новое рождение»².

Но и мифы о бессмертии Луны несут налёт странности и ошибки. Так, в южноафриканском мифе Месяц, чтобы сообщить людям весть о бессмертии, посылает к ним зайца (символ самого Месяца, который каждую ночь оказывается в иной точке небосвода, двигаясь как бы прыжками) и велит сказать: подобно тому, как он умирает и возрождается, и они будут, умирая, воскресать. Однако Заяц, в спешке перепутав слова послания, говорит людям, что они будут умирать, подобно Месяцу, а воскресать не будут – что и предопределяет их отношение к жизни. Посланниками Месяца к людям выступают и другие звери – и иногда боги посылают для верности даже нескольких гонцов – но до людей доходит всё же перепутанное и неправильное сообщение, оставляя проблему нерешённой³.

Порой послание богов к людям нарочно искажается змеёй, и та присваивает себе дар бессмертия, которое боги уготовили челове-

ку. Она крадет цветок вечной молодости, который Гильгамеш достал со дна моря, и его стремление даровать людям бессмертия оканчивается неудачей. Научившись сбрасывать свою кожу, змея сама овладевает искусством обновления. Смена кожи делает **змею** ещё одним повсеместным символом перерождения, она часто отождествляется с Луной. Об индийском месяце Сома Веды говорят, что он, «как змей Ахи, выползает из своей старой кожи». Греки, литовцы и африканцы считали, что в змеях продолжают жить души умерших, а древнеегипетские тексты называют змей «живыми душами». Есть гипотеза, что и современный знак бесконечности – лежащая восьмёрка – восходит к образу двух переплетённых змей⁴.

В мифологии индейцев вопрос о бессмертии беспокоил первую женщину, которая спросила творца Напи: будут ли люди жить вечно? Тот бросил в реку ветку и сказал: если ветка всплывет, то люди будут воскресать на 4-й день (что ассоциируется с возрождением Месяца), а если утонет, то они будут умирать окончательно. Ветка, конечно же, поплыла, но женщина, объясняя слова творца людям, вместо ветки бросила в реку камень. Камень утонул, и люди приняли весть о бессмертии за весть о смерти. Здесь снова налицо ошибка – и характерен образ текущей **реки**, который ассоциируется с изменчивостью жизни, и контрастный к нему образ камня, символизирующий статичность и неизменность, связанную с образом смерти.

Мифы констатируют неудачу человека обрести бессмертия – но только ли? Ведь, сколь бы примитивными они нам не казались, они вполне конкретно указывают на средства этого: развитие способности к перерождению – быстроты и изменчивости своей природы, которую наглядно являет небесный образ Луны или змеи, выползающей из своей кожи, и текущей реки, ассоциативно связанной со змеёй и этим архетипом. В священных текстах Индии «сбросить свою кожу» означает обрести молодость и более высокий уровень духовного существования. Эти образы доносят идею следования неуловимым трансформациям самой жизни, преодоления инертности тела и души, и достижения такого состояния

² Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994 гл.3 «Священность природы и космическая религия»

³ Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1980

⁴ Голан А. Миф и символ. М, 1993, СС.82-83

безинерциальности, которая могла бы преодолеть тяжесть и распад материи. В свете современных представлений о том, что тело состоит из заряженных частиц, скрывающих в себе колоссальную энергию, это не выглядит столь уж невозможным (рождая, например, утопию К.Э.Циолковского о будущем преобразовании человеческого тела в форму лучистой энергии. Согласно ему, наше тело может быть столь же самодостаточным жизненным организмом, как и Земля, уравновешивая в себе качества сохранения и изменчивости).

Если мы серьёзно отнесёмся к тому, что мифы безуспешно пытаются донести людям, то даже увидим путь: одинокий, то есть индивидуальный, и связанный с проникновением в сферу сна, то есть уходом от привычного разумного восприятия в другие, бессознательные доселе сферы. Так греческому прекрасному юноше *Эндимиону*, боги по просьбе его возлюбленной Луны Селены даровали бессмертие и молодость в обмен на вечный сон. Но жизнь во сне предстаёт лишь иллюзией бессмертия: сон – аналог смерти, столь же цепко держащий человека в своих объятиях, как и она. Недаром в шумерском мифе Гильгамеш, стремящийся победить смерть, получает мудрый совет: «Одолей сначала сон».

Подчеркивая неспособность людей правильно воспринять божественную весть о бессмертии, как и то, что вера человека в окончательную смерть с самого начала является ошибкой, мифы отразили образ некоего знания, доступного древним не хуже, а, может быть, и лучше, чем нам. И всё же – они усомнились в идее индивидуального бессмертия. Почему? Может, не в этом был кардинальный путь человеческой эволюции?

Идея индивидуального бессмертия, как чего-то окончательного и застывшего, в отличие от текучести жизни, в мифах имеет негативный оттенок: оно порой выглядит хуже смерти (наш сказочный образ Кощея). И если герою удаётся обрести такое бессмертие, оно устраняет человека из мира людей и потому выглядит ущербным. А герой китайских мифов, стрелок И, добыл у владычицы страны мёртвых эликсир бессмертия и думал разделить его со своей женой *Чан-э*. Но снадобье могло вознести на Небо только одного, а выпив его вдвоём, они вечно жили бы на Земле. И Чан-э, желая стать богиней, приняла

эликсир одна. Она улетела на Луну и стала её божеством, вечно одиноким и печальным. Вместе с ней там живёт только лунный заяц, толкущий в ступке снадобье бессмертия.

Индивидуальность – центр, объединяющий мир вокруг себя своим особым образом. На каком-то этапе она приобретает ценность большую, чем сам мир. Но подчинение Вселенной индивидуальному центру является эволюционным тупиком. Обретая самостоятельность, душа стремится обособиться, замкнуться в себе, чтобы себя сохранить. Стремление себя сохранить – это то, что создает память, отличающую человека от животных. Но стремление к индивидуальному бессмертию мешает обновлению, которое делает душу вечно живой. Поэтому Христос говорит: *кто будет хранить свою душу, тот её потеряет, и только тот, кто её потеряет, её сохранит*. В этих словах, как и в грустной окраске мифов об индивидуальном бессмертии, звучит требование открытости миру. Это требование выйти за границы себя, нынешней данности своего сознания и своего личного существования – *требование себя не хранить*, будучи открытым миру – является ключевым для развития индивидуальности.

В понятии *души*, как и в образе Луны, подчеркивается вечное движение – изменчивость, нестатичность, невозможность и нежелание хранить себя прежней. Чем более душа жива, тем более она отзывается на процессы, происходящие и в обществе, и земной коре, и солнечной системе. Не рамки времени и материи тела, но сама космическая ритмика воспроизводит и тем хранит индивидуальные особенности души. Материя и время образуют лишь многократный и бесконечный повтор того, что всегда есть: в способности повторения – суть телесности, суть материи и времени. Но Духу-Творцу интересна лишь новая уникальная комбинация того, что всегда есть. Он дает силу жить лишь тому, чего никогда не было, поэтому душа находится в постоянном движении. Она смеётся над человеческими рациональными потугами к бессмертию как птичка тивакавака над усилиями Мауи. Она не боится потерять себя и раствориться – худшей карой для неё является застывшее бессмертие богини Луны Чан-э. В этом смысле повтор – это обреченность на небытие, когда тема индивидуального бессмертия мелька-

ет в современных фантастических книгах и фильмах – фильмах ужаса, оно так же страшит нашу душу, предстает такой же безрадостной участью и получает столь же негативную нравственную оценку, как это было в давние времена.

Здесь можно вспомнить ещё один печальный образ бессмертия: древнегреческий миф о *Титоне* – супруге юной зари Эос, по её просьбе получившем от богов вечную жизнь. Но она забыла попросить богов даровать своему возлюбленному также и вечную молодость, и он, постарев, оказался вынужден прозябать в дряхлости. Когда он стал стариком, Эос покинула его и превратила в светлячка. Он стал богом вечернего сумеречного света, подобно-го тусклому мерцанию Луны.

В мифологии истинное бессмертие – это вечное *обновление*, а обновление жизни делает явным прежде всего процесс **рождения**. Мифы находят решение проблемы в образе *вечного материнства* (типический образ матери-Луны, рождающей ребёнка-месяца) и преемственности *течения жизни* (устойчивый образ реки-матери в индийской мифологии). Река поит людей живительной влагой, как мать – молоком, и образ напитка бессмертия восходит к материнскому молоку. Архетип бессмертия запечатлён на небесах в образе Млечного пути (у греков – то молоко, которым коза Амалфея вскормила царя богов Зевса, в других мифологиях это небесная река, например, в Египте – животворные воды небесного Нила). Через материнское молоко, по линии передачи генетической и культурной памяти человек связан с древнейшими предками и далёкими потомками. Перевоплощаясь, подобно Луне, душа человека продолжает жить в своем роду. Он бессмертен, пока жив человеческий род. Но это только древне-мифологическое решение проблемы.

Мифологическое представление о *воскресении и перерождении* души стало основой представлений о бессмертии в более новых мировых религиях, которые развили представление об индивидуальном бессмертии. На христианское понятие бессмертия повлияла мифология Египта, где каждый умерший уподоблялся богу Осирису и где важным считалось сохранение имени (*рен*) – то есть сохранение индивидуальности, для чего и строились такие монументальные памятники,

как пирамиды. На пирамидах писали: «*Как крепко имя бога, так крепко имя царя, так крепка эта пирамида во веки веков!*» Или: «*О царь! Твое имя живет во главе живых. Ты не погибнешь, ты не кончишься во веки вечные!*»⁵ Так в Египте идея индивидуального бессмертия, воплотившись в образе имени, впервые обрела позитивную форму.

Что значит уподобление богу каждого умершего? Как это можно понять с точки зрения современного интеллекта? Философ А. Бергсон доказывал, что сознание и даже память человека не помещается в мозг: мозг – только биологический инструмент, связанный с механизмом отбора практически полезной для деятельности человека информации, это орган, должный обеспечить реакцию на стимул, как и у всех животных. Сознание же находится в окружающем мире, черпается из него и хранится в нём, как в естественных, так и созданных человеком формах мира. С. Франк называл такое представление абсолютным реализмом. Сегодня в духе данной концепции мы говорим о ноосфере В.И. Вернадского, хранящей наработанные людьми интеллектуальные достижения, или о коллективном бессознательном К.Г. Юнга, хранящем всю культурную память человечества. Ноосфера или коллективное бессознательное – не в мозгу отдельного человека, они выходят за его пределы, но у каждого есть к ним доступ.

И если смерть размыкает границу личности, человек оказывается равным человечеству, его сознание сливается с сознанием мира. Исчезают его индивидуальные комплексы и проблемы (поэтому все религиозные традиции учат думать об умерших светло и легко, смерть закрывает личные счета), также, возможно не сразу, исчезают уже практически ему ненужные интеллектуальные и эмоциональные привязанности и память обо всём том, что не составляло сути его существования (так происходит и при жизни, и потому легко спроецировать это и на смерть как на решающий переходный момент, оставляющий в уме близких людей слепок личности человека как всё лучшее, что было в нём). Но естественно также представить, что внутренняя

⁵ История древнего Востока (под редакцией Г.М.Бонгард-Левина) М., 1988 С. 386

связанность с человечеством, которая была при жизни, хранила и питала жизнь личности и которую прежде всего и обозначает слово *душа*, остаётся. Поэтому мысль и память об умершем связывает нас с единством человечества, даёт возможность почувствовать единство мира. Увидеть нечто выходящее за жесткие рамки видимых объектов. В образе умершего невидимая реальность Единого, парменидовского или платоновского Бытия обретает форму.

Отсюда поклонение душам умерших предков, сохранившееся не только в «примитивных» племенах Африки, но и в современном Китае и Японии (синто), и повсеместное представление о том, что они нам чудесным образом помогают. Люди в нашей стране тоже нередко чувствуют именно так, испытывая теплоту к умершим близким – и не потому, что обязательно подавлены горем, такое чувство возникает как непосредственное ощущение. Скорбь об умершем во многом – переживания о себе самих, оставшихся здесь, в ней есть элемент эгоизма. Поэтому на Востоке не принято драматизировать переживания по поводу смерти, похороны могут быть даже радостными: это радость за умершего, что его душа освободилась от материальных ограничений и перешла в состояние единства, которое изначально присуще ей и воспринимается как блаженство и высшее благо. Да и в христианстве считается, что уныние – грех, а Христос говорит: «Иго моё благо, и ноша моя легка». Это можно отнести и к переживанию смерти. Ощущая связь с умершим, мы прикасаемся к человечеству. К уже завоёванному им бессмертию нашего сознания, развитости и осознанности движений души.

Человечество в целом онтологически выглядит более реальным, чем отдельная человеческая личность. Об этом говорил русский философ В.С.Соловьёв: единое человечество причастно абсолютному бытию, в то время как индивидуальность – лишь феноменальная иллюзия. В причастности общечеловеческому процессу мышления видел бессмертие П.Я.Чаадаев: для него собственное усилие мышления, которое движет мышлением человечества и созидает его – это и есть воистину жизнь без смерти, имеющая отношение к вечности. «Христианское бессмертие – это жизнь без смерти, а не жизнь

после смерти»⁶: последнее ограничивает бессмертие. Бессмертие превосходит дуализм жизни и смерти, оно стоит над ним. Открывая единство сознания как «великое Всё» Чаадаева и видя себя его проводником, человек при жизни прикасается к бессмертию.

Однако, начиная с египетских пирамид, современность становится всё более и более внимательной и к индивидуальности. И насколько формируется понятие уникальности личности, настолько развивается представление о личном бессмертии. Лев Толстой доказывает его тем, что каждый человек имеет собственный взгляд на мир, особый, присущий только ему угол зрения. И если ничто в бытийном основании мира не может быть утрачено, то эта личностная точка зрения должна сохраниться: «Может уничтожиться моё тело, связанное в одно моим временным сознанием, может уничтожиться и само моё временное сознание, но не может уничтожиться мое особенное отношение к миру, составляющее моё особенное я, из которого создалось для меня то, что есть»⁷. То, что повторяется в людях, может быть, конечно, утрачено. Но правда в том, что человек насквозь индивидуален, и даже повторяя нечто, он оживляет его своим, только ему присущим способом.

Русская философия персоналистична: как пишет Н.А. Бердяев, «принцип человеческой индивидуальности остается до самого дна бытия»⁸. Поэтому и смерть выступает в ней как некий личностный акт, духовное свершение, возвышающее индивидуальность до неё самой. Эта тема развёрнута, например, в философии войны у И.А.Ильина, который считает, что смерть ещё нужно заслужить. Она наступает лишь тогда, когда человек совершил всё, что мог, и не может подняться к большему совершенству в условиях земной реальности, когда он «созрел к смерти». Исчезновение из мира субъекта, вопрос авторства текста, который мыслится набором цитат, – проблемы западной философии, в полной мере

⁶ Чаадаев П.Я. Отрывки и разные мысли // Полн. собр. соч. и избр. письма. Т.2 М., 1991 С.466

⁷ Толстой Л.Н. О жизни // Толстой Л.Н. Избр. филос. произв. М., 1992 С.496

⁸ Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. Т.2 М., 1994 С.158

не затрагивающие душу русского человека, хорошо способную чувствовать внутри себя некий стержень божественного присутствия. А без этого он впадает в полную аморфность: не в порядок автоматических действий и формальных симулякров внешнего мира, а в хаос за пределами всяких форм. И это страшно: аморфность хаоса мыслится хуже смерти, поскольку смерть как-то оформлена для нас. А потому исчезновение неуловимого «я», даже если оно о себе не заявляет – это смерть хуже смерти.

Хотя, по-видимому, насколько при жизни индивидуальность человека была проявленной для сознания, лишь настолько и в акте смерти он может явить её для других. Если предположить, что центр взгляда на всеобщее сохраняется, активна или пассивна воля личности после смерти? Образ неподвижности, присущей смерти, распространяет её и на представления о пассивности воли и сознания: коль скоро человек не действует внешне, нам кажется, что он не способен действовать и внутренне: если даже сознание сохраняется, ему остаётся довольствоваться чистым созерцанием. Однако при жизни это не так: и внутренняя работа обнаруживает себя как реальное действие, формирующее дальнейшую судьбу человека, за которым нередко следуют его видимые достижения. Не так это может быть и после смерти. В.В.Бибихин писал о Ницше, что его нигилизм, отказ от «воли к власти» заходит так далеко, что «оставляет для поступка уже не оперирование предметами, а *только перемену глядящих глаз*»⁹: обратим внимание, что перемену взгляда философ характеризует как поступок, и с этим стоит согласиться. Нередко для созерцательной деятельности требуется бóльшая активность воли, чувства и рассудка, чем для обычного внешнего действия. Поэтому, если сознание способно созерцать, воля личности может и действовать. Более того, как считает Ильин, поскольку смерть есть самый напряженный творческий акт бытия, «то, что предстоит совершить человеку посмертно, есть главная и существеннейшая часть его бытия»¹⁰. Но, ко-

нечно, насколько внутренняя активность и её творческая составляющая – других людей и даже своя собственная – недоступна непосредственному видению современных людей (или доступна лишь в опосредованных образах мистики, а не реальной жизни личности), насколько же мы неспособны и узнать о креативной активности души после смерти.

Поэтому наш менталитет трогают вопросы осознанности, совести, близкие восточной духовной парадигме, где «всё есть сознание». Но как выражение самой жизни, истинная осознанность не замыкается в границы этических шаблонов, она гибка, текуча, внимательна к моменту и внешним обстоятельствам. *Личность – это поток ассоциаций*, по Д.Юму, – и истинное «я» может сохраниться только как такой поток, а не как застывшая форма, к которой столь негативно относятся древние мифы и которая сразу разрушается образом вечного преобразования всего, который рисует круговорот жизни и смерти.

Вселенная – безостановочное фонтанирование новшеств (А.Бергсон), личность – продолжение становления бытия: «Что она хранит, так это свою новизну, неповторяемость, неподражаемость. *Тождество здесь красиво равно изменению*: одна и та же – непрерывность обновления. И когда поверхностное я застывает в статических позах социального театра, глубокое я в своей далёкой глубине возвращается к самому себе, т.е. к источнику новизны»¹¹. Так современная философия возвращается к архетипу бессмертия как самообновляющегося жизненного потока древнейшей мифологии.

Круговорот фаз Луны в древнейшей мифологии выводит к идее непрерывного возрождения мира – это возвращение, соприкасающее нас с изначальным, но всегда новое и юное. Описывая символизм «вечно возвращения», связанный с Луной, М.Элиаде так говорит об этом: «Нет событий необратимых и преобразований окончательных. В каком-то смысле можно даже сказать, что в мире не происходит ничего нового, ибо всё есть повторение тех же изначальных архетипов. Это повторение, актуализируя мифический момент, в котором было явлено архетипическое

⁹ Бибихин В.В. История современной философии. СПб., 2014 С.263

¹⁰ Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. М., 1993 С.43

¹¹ Бибихин В.В. История современной философии. СПб., 2014 С.279

действие, бесконечно удерживает мир в одном и том же рассветном мгновении начал»¹². И бессмертие – это постоянный возврат к истоку, хранящий вечную молодость мира, – и тот индивидуальный ритм души, который осуществляет это движение.

Начав с атеизма и сделав темой статьи мифологию и философию, мы нарочно не акцентировали религиозно-христианское понимание бессмертия как всем знакомое и даже слишком само собой разумеющееся, что может даже несколько помешать понять его смысл. И всё же нельзя его не коснуться. Стремление к бессмертию души является сутью этой религии, именно поэтому и составляющей эпоху в эволюции человечества. Это приобщение к бессмертию через веру – очень интересную способность человека, дающую ему возможность по своему усмотрению изменять свой разум, освобождая сознание от стереотипов прошлого. Христианин спорит со стереотипом неизбежной смерти, вера возвышает его над предъявляемой ему очевидностью: «Я согласен умирать героически, но не согласен умереть окончательно, и в этом я прав». Такое движение души прежде всего, и ритуалы, во вторую очередь, физически настраивают человека на духовные процессы, которые осуществляли бы телесную трансформацию и регенерацию (как это происходит и в других мировых религиях, например, йоге). Исцеляли тело, так же как и душу – от неверных уклонов, замыкающих человека в стереотипный панцирь наработанного данной социальной ситуацией (воспитанием и социализацией) Эго и мешающих раскрытию более живых

движений его истинной индивидуальности (индивидуации, по К.Г.Юнгу).

Ведь личность не подчиняется времени, но стоит над ним: время – её внутренняя психическая характеристика, как убедительно показал уже А.Бергсон. И вечность должна быть не пустой, но наполненной: всеми временными моментами осознанного бытия, которое проживает личность, как утверждал русский религиозный философ Л.Карсавин: «Эта вечность уже в нас, как семя, как закваска, пронизывающая мир. Не будет иной такой же жизни и такой же смерти; эта жизнь – единственный в неповторимости своей миг вечности. Но без неё нет вечности, она не существует»¹³. В этом брезжит онтологическая необходимость бессмертия личности, разных граней которой касаются и другие православные философы.

Бессмертие – не очень простое понятие, его аналог – не однообразное существование человека в теле, как обыденно понимается телесность, а существование сознания, которое вспыхивает и гаснет, или неуловимый образ души, которая всегда новая, как новый момент времени, которая жива, как новый день. Можно по-разному описывать образ ауры, поскольку видение её пока не стало всеобщим достоянием человечества и консенсус здесь не достигнут. И можно не верить в бессмертие – но верить интереснее. Это даёт простор для внутреннего творчества. – Для сотворчества Богу, которое, как считал Н.А.Бердяев, искупает грех отделенности человека от Него. Или просто для развития умения приглядываться к волшебству окружающей жизни.

¹² Элиаде М. Космос и история. М., 1987 С. 91

¹³ Карсавин Л.Н. Noctes Petropolitanae. Малые сочинения. СПб., 1994 С. 197

Elena M. Schepanovskaya. The problem of immortality in mythology and philosophy

Summary

The article deals with the problem of immortality as an evolutionary opportunity of the mankind. A row of mythological representations shows that the gist of immortality is not in conservation of self but in constant transformation. That develops the key-image of rebirth and eternal motherhood. But furthermore, in the course of time, tendency to save individuality increases (immortalization of names in Egyptian pyramids). So in the article philosophical ideas, which ontologically verifies the aspiration to immortality, are considered.

Keywords: immortality, social anthropology, mythology, rebirth, revival, renaissance, soul, individuality, eternity, motherhood.